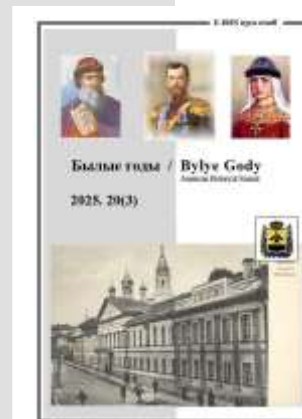

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1568-1579
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1568

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Research by N.L. Korzhenevsky on the Pamir Mountains and Its Glaciers in 1903–1914 (based on Expedition Diaries, Archival Documents, and Publications)

Nargiza S. Kenjaeva ^{a, *}, Saodat A. Toshtemirova ^a, Charos I. Maxmudova ^a, Arslon K. Nafasov ^a

^a Chirchik State Pedagogical University, Republic of Uzbekistan

Abstract

This article is devoted to Nikolai Leopoldovich Korzhenevsky's research on the Pamir Mountains and its glaciers in 1903–1914, based on his expedition diaries, archival documents, and publications. The author analyzes Korzhenevsky's contribution to the study of the Fedchenko Glacier, the largest in Central Asia, emphasizing its significance as a symbol of scientific and imperial exploration. Korzhenevsky's contributions to glaciology, geology, meteorology, botany, and ethnography are examined. Particular attention is paid to the difficulties of the expeditions: the harsh climate, the impassable terrain, and the geopolitical rivalry between the Russian and British empires in the context of the "Great Game." The sociocultural context, including protests by the local population against taxes in the Western Pamirs, highlights the dual nature of N.L. Korzhenevsky's research, which combined scientific and military objectives. Korzhenevsky's diaries and publications remain a valuable source for contemporary research, reflecting his contribution to cartography, geography, and understanding of historical processes in Central Asia, as well as his achievements in the study of Pamir glaciers, particularly the Fedchenko Glacier.

Keywords: N.L. Korzhenevsky, Pamir, Fedchenko Glacier, Mushketov Glacier, expeditions, glaciology, geopolitics, Great Game, Central Asia, Russian Empire.

1. Введение

Начало научного изучения Памира и, в частности, ледника Федченко было заслугой русских учёных ещё в период Российской империи. Среди исследователей Памира начала XX в. вполне заслуженно стоит уделить особое внимание Николаю Леопольдовичу Корженевскому. Н.Л. Корженевский был одним из первых учёных в Центральной Азии, кто начал углублённо изучать ледники региона, и особая его заслуга состоит в изучении ледника Федченко и вообще ледников Памира и соседних районов, а также их географии.

Здесь мы попытаемся рассмотреть исследование Н.Л. Корженевского в области изучения ледников, и прежде всего ледника Федченко и его окрестностей, географии Алая-Памира и в целом рассмотреть его научную деятельность на широком фоне исторических событий, благодаря чему можно будет нагляднее понять, насколько важными и актуальными были эти исследования и с какими трудностями они сопровождались.

2. Материалы и методы

2.1. Среди важнейших источников по экспедициям Н.Л. Корженевского особо можно отметить недавно обнаруженный «Дневник экспедиций Н.Л. Корженевского» (далее – Дневник), переданный при участии одного из авторов 11 апреля 2025 г. на хранение в составе Личного фонда Н.Л. Корженевского в Национальном архиве Узбекистана (НАУз) (Ташкент, Республика Узбекистан).

* Corresponding author

E-mail addresses: n.kenjaeva@cspu.uz (N.S. Kenjaeva), s.toshtemirova@cspu.uz (S.A. Toshtemirova), ch.maxmudova@cspu.uz (C.I. Maxmudova), a.nafasov@cspu.uz (A.K. Nafasov)

Этот дневник он вёл в период с 1903 по 1914 г., благодаря чему появилась возможность по-новому взглянуть на исследования и экспедиции Н.Л. Корженевского на Памир и оценить их научные результаты. Также был привлечён целый ряд материалов из архивов Узбекистана. Кроме того, используются публикации Н.Л. Корженевского, дополняющие данные, отражённые в Дневнике. Так как этот дневник ещё не обработан архивистами, а потому не включён в опись фонда и пока не выдаётся в читальный зал Национального архива, ниже мы ссылаемся на транскрипт (расшифровку) дневника Н.Л. Корженевского, переданный в архив вместе с подлинником Дневника, электронная (оцифрованная) копия которого имеется в нашем распоряжении.

Кроме того, в статье использовались материалы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (Москва, Российская Федерация), содержащиеся в фонде 400 «Главный Штаб Военного министерства» в описи № 1 «Азиатская часть». Ещё одним архивом, материалы которого привлечены в настоящем исследовании, является Центральный государственный архив города Ташкента (ЦГАГТ) (Ташкент, Республика Узбекистан). Из этого архива использовано личное дело Н.Л. Корженевского, хранящееся в фонде 38 – «Ташкентский государственный университет».

2.2. В ходе анализа основных событий авторы использовали несколько методов исторического познания, которые способствовали глубокому изучению данной проблемы и позволили прийти к основополагающим выводам. Использование историко-сравнительного метода позволило подробнее осветить не только ход, но и подоплёку экспедиций и исследований Памира и его ледников Н.Л. Корженевского. Историко-системный метод – один из основных методов исторического исследования, в котором реализуются принципы системного подхода. Этот метод был направлен на изучение объектов и явлений прошлого как целостных исторических систем: анализ их структуры и функций, внутренних и внешних связей (морфологии), а также динамических изменений (генезис). Посредством дедуктивного метода была изучена постановка проблемы, сбор информации, формулирование гипотезы, её проверка, изучение результатов и достижение одного или нескольких выводов.

3. Обсуждение

Жизни и деятельности Н.Л. Корженевского посвящено не так уж много специальных работ. Во-первых, конечно же, это публикации, отражающие период 1903–1914 гг. и принадлежащие перу самого исследователя. Они были опубликованы в различных научных изданиях и являются во многом источниками по этому периоду деятельности Николая Леопольдовича (Корженевский, 1906; Корженевский, 1906а; Корженевский, 1906b; Корженевский, 1912; Корженевский, 1914; Корженевский, 1922).

Кроме того, следует выделить работы, освещающие научные открытия и экспедиции Н.Л. Корженевского и оценивающие вклад и значение его исследований. Особенно следует отметить работы В.И. Рацека (Рацек, 1977; Рацек, 1975), в которых в том числе рассматриваются роль и значение экспедиций Н.Л. Корженевского имперского времени и сделанные им открытия. Здесь автор впервые вводит в научный оборот некоторые фрагменты из экспедиционных дневников Николая Леопольдовича периода 1903–1914 гг. В этих публикациях приводятся значительное количество сведений как о научных достижениях учёного, так и о его личной и общественной жизни.

После 1991 г. можно также отметить несколько работ, в той или иной мере затрагивающих рассматриваемую нами тему. Прежде всего, следует выделить исследование П.Э. Пэтэрс (Пэтэрс, 1998), которое специально посвящено экспедициям Н.Л. Корженевского периода Российской империи. В нём он, вслед за В.И. Рацеком, использует многочисленные цитаты из дневника Николая Леопольдовича. Дневник этот, как пишет сам автор, был получен от В.И. Рацека, предполагавшего опубликовать его, но не сумевшего это сделать по различным обстоятельствам.

Также следует упомянуть публикацию Н.С. Кенжаевой, посвящённую в основном экспедиции Н.Л. Корженевского 1923 г., но содержащую некоторые сведения и о его экспедициях имперского времени (Кенжаева, 2020: 202–203). К тому же в 2024 г. в узбекистанском журнале «Центральноазиатский журнал географических исследований» был опубликован редакционный материал в честь 145-летия Н.Л. Корженевского, как одного из основателей географической науки в Узбекистане, в котором также приведены краткие сведения об экспедициях Николая Леопольдовича 1903–1914 гг. (Николай Леопольдович Корженевский, 2024: 130).

4. Результаты

Николай Леопольдович Корженевский родился 19 февраля 1879 г. в Невельском уезде Витебской губернии в фольварке Завережье. Отец его был дворянином литовского происхождения, а мать – полька, как об этом сообщал сам Николай Леопольдович в своей автобиографии. В дальнейшем родители переехали в Костромскую губернию (ЦГАГТ. Ф. 38. Оп. 3. Д. 823. Л. 15). Вырос Н.Л. Корженевский в усадьбе Нероново Солигаличского уезда, где отец был управляющим. После окончания в 1897 г. костромского реального училища Николай Леопольдович собирался поступить в университет. Но из-за тяжёлой болезни отца и создавшегося трудного материального

положения Н.Л. Корженевскому пришлось поступить в Киевское военное училище. Окончив его с отличием в 1901 г. в чине подпоручика, он, несмотря на то, что имел возможность выбрать для службы любой регион и город в европейской части Российской империи, предпочёл службу в Оше – захолустном городке на окраине Туркестанского генерал-губернаторства. Уже тогда проявилось его стремление к изучению Памира, ведь именно этот городок был отправной точкой большинства экспедиций в отдалённый и загадочный край (Басханов, 2005: 120; Пэтэрс, 1998: 55-54; Рацек, 1977; Кенжаева, 2020: 201-220).

В 1903 г. Н.Л. Корженевскому наконец-то удаётся попасть на Памир. Ему поручается Штабом Туркестанского военного округа организовать беспроволочный телеграф для нужд Памирского отряда. Для подготовки к этому путешествию и выполнению дополнительных научных задач Н.Л. Корженевский испросил командировку в Ташкентскую астрономическую обсерваторию, где овладел навыками определения астрономических пунктов и метеорологических наблюдений (ЦГАГТ. Ф. 38. Оп. 3. Д. 823. Л. 19). Кроме того, Николай Леопольдович берётся выполнить ещё целый ряд научных заданий: для Общества акклиматизации – «собрать семена и корневища красивоцветущих или душистых высокогорных растений. Приложить и засушенные растения для определения вида, и краткие сведения: на какой почве, высоте и прочее»; для Общества земледелия он должен был провести «наблюдение над световыми явлениями на больших высотах...»; для Горного общества: «1. Описание путешествия с фотографиями; 2. Метеорологический журнал; 3. Собрание горных пород и минералов; 4. Формы оледенений ледника, морены, мощность, движение, характер; 5. Форма поверхности в связи с физическими и геологическими условиями; 6. Зорь-куль. Полное описание и исследование органической жизни; 7. Гербарий; 8. Черепа животных; 9. Туземцы (раса, рост, форма головы, цвет волос и глаз, быт, одежда)...» (Дневники..., 1903–1914: 7) и др.

10 июня 1903 г. Николай Леопольдович выступил из Оша в первую свою поездку на Памир. Его сопровождали в качестве переводчика нижний чин 10-го Туркестанского стрелкового батальона, охотник Семен Сазонов (Путешествие..., 1905: 136; Корженевский, 1906: 1; Корженевский, 1912: 691-692).

Экспедиция перевалила Заалайский хребет и вышла на Северный Памир. «Встретил он (Памир – Прим. авт.), – писал Н.Л. Корженевский, – нас снегом и пронзительным ветром. Особенно нам досталось... в верховьях р. Маркан-су. Ни бурка, ни покрытое резиной пальто не помогало. Только около оз. Копыр-куль, маленького ничтожного водоема, непогода прошла и выглянуло солнышко. При этом, [что] интересно и характерно для Памира, на солнечной стороне было тепло, даже порою жарко, а на противоположной отдавало жгучим холодом» (Дневники..., 1903–1914: 18).

Двигаясь далее, 17 июня перевалили перевал Уй-булак и вышли в долину озера Кара-куль. О долине Кара-куля и самом озере Н.Л. Корженевский писал следующее: «Каракуль, крупнейшее памирское озеро, синевшее узкой полосой вдаль на серой, как будто бы лунной поверхности. Оно состоит из двух неровных бассейнов, соединенных проливом, соленой, немного горьковатой воды. Стока у озера нет, но в него впадает целый ряд мелких речушек...» (Корженевский, 1912: 708).

20 июня экспедиция прибыла на Памирский пост. Здесь экспедиция была встречена чрезвычайно радушно во главе с начальником поста поручиком Петром Аполоновичем Конюховым (Дневники, 1903–1914: 25). При этом, как подмечает Н.Л. Корженевский, Памирский пост, как и весь Восточный Памир, был, всё же, очень суровым местом: «Жизнь здесь до крайности тяжелая, до ряда болезней расстроился организм человека... Сама природа как-бы подчеркивает невозможность органической жизни в этом мертвом царстве. Ничто тут не развивается и не плодится» (Дневники..., 1903–1914: 25-26).

24 июня экспедиция, хорошо отдохнув и пополнив запасы фуража и припасов, двинулась к озеру Зор-куль (Виктория), которого и достигли 28 июня. На сам Зор-куль Н.Л. Корженевский отправился вдвоём с С. Сазоновым, «захватив необходимые инструменты и фотокамеру». Далее свой путь и само озеро Николай Леопольдович описывает следующим образом: «Мои желания исполнились. Сегодня я был на оз. Виктория (Зор-куль)... Мокрый снег валил все и валил. Шум р. Памира и вой ветра были достаточным аккомпанементом нашему путешествию... Наконец берега нашей порожистой реки немного разошлись [и] тропинка вывела на правый открытый берег сплошь покрытый снегом и через полчаса мы были на желанном Зор-куле... Озеро пресное, с несомненными признаками рыбы (видел Сазонов массу мальков). Вода серо-стального цвета с побежалостями, высокой прозрачности. Дно песчаное и температура воды около берега в момент наблюдения (21 ч. 30 мин.) была +4° по С... Выложивши из камня начальную букву своей фамилии в 10 ч. я оставил Зор-куль и поехал обратно на Мазар-теке...» (Дневники..., 1903–1914: 35-37).

Переночевав в урочище Дженанды, что далось нелегко из-за сильного ветра с дождём и произошедшего землетрясения (Корженевский, 1912: 728-729), путешественники на следующий день двинулись в Вахан вдоль реки Памир, минуя Юл-мазар, туда, где она сливается с рекой Вахан-дарья, которая после этого получает имя Пяндж. Здесь был расположен русский Лянгарский пост, куда 30 июня и прибыли путешественники. Начальником поста являлся хорунжий В.Г. Голявинский, весьма радушно встретивший экспедицию (Дневники..., 1903–1914: 38-41; Корженевский, 1906: 11-12; Корженевский, 1912: 729).

На Лянгарском посту Н.Л. Корженевский оказался в весьма драматический для местного населения и неприятный для русских властей момент.

Для того чтобы лучше понять произошедшие события, следует сделать небольшое отступление. После утверждения власти России на Памире, а затем передачи в 1896 г. западнопамирских владений Бухаре, налоги с местного населения временно не взимались, чтобы они смогли восстановить материальное положение после афганского владычества (1883–1893 гг.). Благодаря мнению ряда представителей российской колониальной администрации и, прежде всего, начальников Памирского отряда, взимание податей бухарцами неоднократно откладывалось. К середине 1903 г. в принадлежащем Бухаре Западном Памире сложилась крайне взрывоопасная ситуация. Прежде всего это было связано с тем, что именно в этом году бухарцам, после ряда отсрочек (Махмудов, 2016: 130-145; Махмудов, 2025: 60-78; Kholliyev et al., 2025: 980-990; НАУз. Ф. И-276. Оп. 1. Д. 965. Л. 97-106), наконец, удалось получить от российских властей согласие приступить к сбору податей в своих памирских владениях (см.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2329). Вполне естественно, у жителей Западного Памира, привыкших за 8 лет не платить подати, и к тому же так до конца и не оправившихся от афганского владычества и нескольких голодных лет (1899–1901 гг.), попытка бухарской администрации начать их взимание вызвала большое возмущение. Причём российским властям было известно о сложившейся ситуации (НАУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 178-182; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2329. Л. 124; НАУз. Ф. И-276. Оп. 1. Д. 965. Л. 116). Всё это не могло не привести к взрыву народного возмущения.

Именно в день прибытия экспедиции на Лянгарский пост, не выдержавшие издевательств бухарцев, жители ваханского кишлака Зунг поднялись против сборщиков подати. Вот как в своём дневнике описывает произошедшее Н.Л. Корженевский: «На днях... в Вахан прибыли бухарские сборщики податей (зякет) а так как население приотвыкло от платежей, то понятно появление зякетчиков вызвало немало осложнений и даже весьма значительных среди таджиков. Сегодня в ночь таджики напали на бухарцев, немилосердно их избили, а сами забравши скот и свои семьи в ночь же переправились через Пяндж и перешли на Афганский берег. Я по тревоге с Голявинским, стражами и казаками прибыл в кишлак Зунг для фиктивного подавления беспорядков, но жители все разбежались» (Дневники..., 1903–1914: 41).

Возвращаясь вновь к самой экспедиции, стоит отметить замечание, оставленное Н.Л. Корженевским в своём дневнике, о том, что, по мнению хорунжего В.Г. Голявинского, слово «Памир» происходит от «по-и-мор», что по-персидски означает «подножие смерти» (Дневники..., 1903–1914: 45).

9 июня путешественники достигли Хорогского поста, где располагалась штаб-квартира начальника Памирского отряда. Здесь Николая Леопольдовича настигло сообщение о смерти его отца, давно уже болевшего, что произошло 13 июня (Дневники..., 1903–1914: 52).

12 июля после обеда экспедиция выехала из Хорога и возвратилась в Ош 1 августа, пройдя за 50 дней 1345 вёрст (Путешествие..., 1905: 136-138). Во время этой экспедиции Н.Л. Корженевский проводил гипсотермические и баротермические измерения 43 пунктов маршрута, метеорологические наблюдения и определение астрономических пунктов, а также сбор различных представителей флоры (около 200 образцов высокогорных растений) и насекомых Памира, а также геологических образцов (Корженевский, 1906: 16). Это путешествие явилось первым шагом для Н.Л. Корженевского в его долгом пути учёного, внёсшего огромный вклад в изучение географии и гляциологии Памира, о чём будет рассказано далее. Он за это первое путешествие был избран действительным членом Общества земледелия при Императорском Санкт-Петербургском университете и Русского горного общества (ЦГАГТ. Ф. 38. Оп. 3. Д. 823. Л. 19).

Николая Леопольдовича чрезвычайно интересовала долина реки Мук-су, куда он стремился добраться во что бы то ни стало и пройти ею в Каратегин. Поэтому, не откладывая дело в долгий ящик, уже в следующем, 1904 г., Н.Л. Корженевский попытался осуществить задуманное. В этом году дважды пытался проникнуть в верховья Мук-су – с 19 июня по 5 июля и с 8 по 28 сентября. С этого началось для Н.Л. Корженевского непосредственное знакомство и изучение ледника Федченко.

Первая поездка на Мук-су происходила совместно с известным геологом Я.С. Эйдельштейном. Также Николай Леопольдович сопровождал неизменный С. Сазонов и керекеш Шермат (Дневники..., 1903–1914: 88). Алайский хребет перевалили они по перевалу Сарык-могол (Корженевский, 1914: 250-258).

В своём Дневнике Н.Л. Корженевский сообщает, что, проштудировав взятую у Я.С. Эйдельштейна книгу И.В. Мушкетова «Туркестан», он сделал выписки об исследователях, посетивших долину реки Мук-су. Далее он с некоторым удовлетворением отметил: «Значит, мое посещение будет 5-м по порядку визитом к верховьям Мук-су» (Дневники, 1903-1914: 88-90).

На подходе к цели своего путешествия Николай Леопольдович узнал от своего проводника по имени Сайдали, что «по Мук-су из ур. Кутас-кушты в Домбурачи пройти возможно, но только пешком и притом по отчаянным карнизам... Перевал Терс-агар, киргиз этот называет легким и доступным» (Дневники..., 1903–1914: 90).

Двигаясь далее от Кара-су, путешественники оказались в урочище Сартогай, где расположился аул киргизов из рода теит. Далее Николай Леопольдович записал в своём Дневнике: «В этом ауле

привели ко мне старого киргиза, как хорошего знатока местности. Относительно Саук-сая он говорит, что на нем никто из киргиз не был, по крайней мере ему о том не приходилось слышать, так как он завален снегами, льдом и прорывается среди высоких скал. Что-же касается Мук-су, его проходимости, то киргиз этот знает, что на Дамбураш есть тропинка, по которой смельчаки киргизы проходили, но что путь туда, во всяком случае, очень труден и нужно положить на дорогу не менее 3 дней. О Сель-су (Сель-дара ледник Федченко) говорит, что от Кутас-гушты (а не кушты, как на карте) верст 20, но что проехать туда едва-ли теперь возможно, так как на Мук-су очень много воды и переправа немислима» (*Дневники..., 1903–1914: 94*).

Получив эти сведения, Н.Л. Корженевский решил, всё же, двигаться дальше, чтобы выяснить ситуацию на месте. Для этого выехали из Сартогая в 7 ч. утра в сопровождении проводника Сеидали. По дороге встретили «почтенного киргиза» Тохтура, предложившего свои услуги проводника, так как в совершенстве знал эту местность и ему «еще в детстве приходилось хаживать по этой реке вместе с отцом своим, золотопромышленником» (*Корженевский, 1906а: 84*). На это было получено согласие и Сеидали, который, получив 1 рубль за работу, был отпущен. Затем Николай Леопольдович стал расспрашивать нового проводника о дальнейшем пути – «о Кутас-гуште, Саук-даре, Мук-су и прочее, что являлось в данном случае гвоздем моего (Корженевского – Прим. авт.) путешествия» (*Дневники..., 1903–1914: 95*). С перевала Терс-агар «ущелье рек Саук-сая, Каинды, Сель-су, Мук-су видны как на ладони... В бинокль было хорошо видно, что воды в Мук-су очень много. Ущелья рек темнели своими мрачными стенами... Пришлось проехать около 2-х верст прежде нежели я добрался до Саук-сая и с крутого, скалистого его берега заглянул внутрь ущелья. Берега реки, насколько мне можно было видеть, представлены совершенно отвесными скалистыми стенами, среди которых бурной глубокой рекой идет Саук-сай. Воды было слишком много и возможность теперь же предпринять экспедицию вверх по реке отпадала сама собою. Воды, по словам Тохтур-бая, так много на Мук-су, что при переправе через Саук-сай, впадающей в ур. Кутас-гушта в Каинды и Сель-су (Мук-су) лошадь должна плыть, а так как течение весьма быстрое, то лошадь переворачивает и может переправа окончиться очень плачевно... Как теперь окончательно выяснилось, пройти по Мук-су (пешком) до Домбурачи и по Саук-саю, а также наведаться на ледники Федченко и Танымас возможно только осенью, в первых числах сентября, когда прекращаются таяние ледников и приток воды прекращается» (*Дневники..., 1903–1914: 97*).

Получив эти сведения, а также положившись на слова Тохтур-бая и киргиза Асана, что осенью «возможно пройти повсюду и притом они сами пойдут провожать», Николай Леопольдович решил вернуться обратно в Ош и отправиться для новой попытки, чтобы добраться до ледника Федченко в начале сентября – «недели на две с целью наверняка пройти по Мук-су и произвести съемку и измерения» (*Дневники..., 1903–1914: 98*).

Вторая попытка добраться до ледников долины Мук-су была произведена в сентябре этого же года. 8 сентября 1904 г. Николай Леопольдович выступил из Оша, намереваясь пройти по долине Мук-су до Каратегина. Н.Л. Корженевский вновь сопровождал неизменный С. Сазонов. 16 сентября экспедиция вышла к Алтын-мазару (*Дневники..., 1903–1914: 112–117*). Здесь путешественники остановились у старого киргиза Тохтур-бая, обещавшего в прошлую встречу провести экспедицию через долину реки Мук-су. Николай Леопольдович сообщает, что неожиданное появление экспедиции «крайне смутило старика, и он начал приводить всевозможные доказательства за то, что хотя воды в Мук-су и меньше против летнего, но все-таки идти по ней в Каратегин чрезвычайно тяжело и что путешествие это может стоить жизни. Тем не менее, от своего обещания быть моим проводником Тохтур-бай не отказался и, уступая нашей настойчивости, начал приготовляться к путешествию, рассчитывая выступить в дорогу, не теряя времени, на другой же день» (*Корженевский, 1906а: 84–85*).

Так как дорога была весьма трудная и плохая, то было решено ехать налегке, оставив вьюки в Алтын-мазаре, а с собой взять «только приборы и самое необходимое для питания и ночлега под открытым небом». Н.Л. Корженевский взял «один барометр и планшет для глазомерной съемки, а остальные мои спутники взяли шубы для ночлега и продовольствие на одни сутки». Переночевав в Алтын-мазаре, ранним утром 17 сентября экспедиция выступила в путь в сопровождении Тохтур-бая в качестве проводника. Настроение путешественников было самое приподнятое, что видно из записи Николая Леопольдовича: «Сознание, что идем по земле, где ни разу еще не ступала нога европейца, как-то особенно приятно действовало и возбуждало внимание» (*Корженевский, 1906а: 85*).

Двигаясь по долине реки Мук-су, путешественникам пришлось пройти через несколько её притоков. На восьмой версте экспедиция увидела Борубаш-су – «ручей небольшой, как видно, короткий». За урочищем Кыш-тау начинались «возвышенные каменистые русла рр. Хыт-су и Каин-су, впадающих одна возле другой в реку Мук-су (правые притоки)... Обе речки одинаковой величины и текут в узких ущельях» (*Дневники..., 1903–1914: 117*). Пройдя урочище Каин по карнизу возле самой воды, путешественники вышли в урочище Дорадек. Далее дорога стала намного хуже. Отсюда путешественники, минуя речку Дорадек-су, резко повернули по урочищу Худайберды к самой реке Мук-су, где и переправились на другой берег (*Корженевский, 1906а: 87*).

Затем путешественникам пришлось переправляться через реку Аю-джилга, что с трудом, но было сделано. Правда, лошадей пришлось отправить обратно в Алтын-мазар. Переправившись через эту реку, Н.Л. Корженевский и пройдя совсем немного, «заметил большой ледник с широкой трещиной посредине. Поверхность ледника представлялась серовато-грязной, и только трещина резко выделялась белыми краями на темном фоне поверхности ледника. Ложе ледника весьма пологое, направление видимой части его на протяжении 3–4 верст юго-восточное, дальше ледник как-бы ломается и поворачивает на юго-запад, закрываясь выступом горы. Ширина видимой его части саженьей 200. По характеру залегания нужно думать что ледник тянется очень далеко, но насколько именно верст, сказать трудно. Средних морен на поверхности ледника не наблюдалось, так что можно заключить что боковых ледников он не принимает. Конечная морена значительна, боковые выражены слабее» (Корженевский, 1906а: 87).

Н.Л. Корженевский, имея мало времени, не двинулся к леднику, ограничившись лишь его фотографированием и сбором пород из конечной морены, так как надеялся вернуться той же дорогой и на обратном пути осмотреть ледник, о чём, по его словам, впоследствии ему «пришлось очень пожалеть», так как сделать этого ему тогда не удалось. Далее Николай Леопольдович сообщает, что Тохтур-бай назвал этот ледник Кара-сель, «так как это название носит вытекающая у ледника речка, но я хотел бы дать имя славнейшего работника по геологии Туркестана – Ивана Васильевича Мушкетова» (Корженевский, 1906а: 87-88).

Двигаясь далее по сузившейся до 200 саженьей долине реки Мук-су мимо нескольких притоков реки, в 7 часов вечера остановились у устья реки Хышчет-су, при её впадении в Мук-су. Хотя место было «очень мрачное и каменистое», но путешественники сильно устали и уже начинало темнеть. Едва начало светать, путешественники собрались в дорогу. Оставив кутасов, в сухом месте все вещи, так как шёл дождь, взяв только барометр, фотоаппарат и несколько лепёшек, двинулись дальше. С трудом пройдя 4–5 вёрст, начали подниматься на ведущий в Каратегин перевал Лямкур-даван, находившийся «приблизительно на половине дороги от Алтын-мазара до сел. Ходжа-тау». Подъём на перевал хоть и не был труден, но был весьма длинен. Постепенно мелкий дождь сменился мокрым снегом, на вершине же бушевала настоящая метель. Тохтур-бай сильно торопил путешественников, и Николай Леопольдович только и успел на вершине перевала «записать барометр и торопливо набросать на планшете пройденную местность». Торопливость проводника объяснялась тем, что существовала опасность, что карниз, по которому надо было спускаться с перевала, могло занести снегом (Корженевский, 1906а: 89-90).

Своё впечатление о спуске по этим карнизам Николай Леопольдович описывает следующим образом: «Первый по этому переходу карниз (и самый, пожалуй, скверный) не замедлил представиться нашему вниманию. Несколько опустившись с вершины, мы должны были пройти шагов 10 по слабо наклоненной стене из твердой породы, вставляя ноги в ячейки на высоте нескольких сот сажень над рекой. Мне кажется, что я не прошел бы по этому карнизу, если бы в то время не было ниже нас облаков, заслонивших собою пропасть. Во время путешествия по Памиру мне не приходилось встречать чего-либо подобного этому пути. После, когда мы перебрались на другую сторону и перед нашими глазами на несколько минут во весь свой ужас открылась эта громадная бездна, мы почувствовали себя, как спасенные... Этот карниз представляет собою, пожалуй, самое опасное место на протяжении всей дороги: почти каждый год на нем происходят несчастия, особенно когда карниз покрыт снегом, а потому каждый, кто прошел его благополучно, считает долгом в память этого кинуть на противоположную сторону камень» (Корженевский, 1906а: 90).

Спуск с перевала отобрал все силы у Н.Л. Корженевского, и он, понимая, что не может вернуться обратно той же дорогой, отправил обратно Тохтур-бая, чтобы он забрал их вещи и ждал бы в Алтын-даре возвращения путешественников из Каратегина, откуда они должны были вернуться кружным путем по более безопасной дороге. Сам Николай Леопольдович был настолько впечатлён пройденной дорогой, что категорически заявлял: «Впечатления дороги убедили меня в том, что отправиться в путешествие по Мук-су европеец может только один раз в жизни, вторично переживать многочисленные прелести дороги никто не захочет» (Корженевский, 1906а: 91).

Далее экспедиция по долине реки Хадырша-су, кишлаки Иргай, Кандау, и далее через Мин-булак, Ляхши, Ачин-алма и Катта-карамук, возвратились в Алтын-дару 22 сентября, а 28 сентября экспедиция вернулась в Ош.

Таким образом, экспедицией были открыты ранее неизвестные ледники. Кроме того, среди выводов Н.Л. Корженевского от всего увиденного за время второй экспедиции в 1904 г., им относительно «геологического прошлого Мук-су» осторожно делается вывод, что долина этой реки «служила некогда местом залегания колоссального ледника, остатки которого можно видеть в ледниках Федченко и Танымас. Бока долины в верхних частях сглажены и вся она завалена моренными образованиями. Впрочем, этот вопрос для окончательного своего решения требует еще очень много работы и фактического материала» (Корженевский, 1906а: 93).

В период с 26 мая по 4 июля 1905 г. Н.Л. Корженевский совершил поездку на Алай, где открыл два неизвестных ранее перевала, ведущих на Памир, имеющих значение для военных и

экономических целей – перевалы Шют и Кальта-боз ([Дневники..., 1903–1914: 126-127; Корженевский, 1905: 95-106; Корженевский, 1905](#)).

В 1905 г. Николай Леопольдович женился на Евгении Сергеевне Топорниной, дочери Сергея Ивановича Топорнина, начальника 10 Туркестанского стрелкового батальона, где тогда служил подпоручик Н.Л. Корженевский.

В 1906 г. Н.Л. Корженевский поступил по конкурсу в Интендантскую академию, которую окончил в 1909 г. по первому разряду. Затем получил академический отпуск, использованный им для поездки с женой в Европу, где изучал ледники в Бернском Оберланде в Швейцарии. С 1909 по 1911 г. проходил практику на кожевенных заводах и суконных фабриках Казани и Лодзи. В 1910 г., воспользовавшись отпуском, Николай Леопольдович вновь отправляется на Памир ([ЦГАГТ. Ф. 38. Оп. 3. Д. 823. Л. 19-20](#)).

Экспедиция выехала из Оша 12 августа и 20 августа прибыла в Алтын-мазар. Здесь произошла трогательная встреча со старым проводником Н.Л. Корженевского - Тохтур-баем. Двигаясь по долине Алтын-дары, Николай Леопольдович «обратил внимание на ледники, залегающие по ущелью Алтын-дары, один в верховьях р. Бемаули, а другой с правой стороны не доезжая Кок-чукура» ([Дневники..., 1903–1914: 153](#)). Здесь встретили киргизов, которые сообщили: «Что если еще возможно попытаться пройти, то только по Сель-даре на ледник Федченко. Хотя бы метку поставить, а то так будет досадно! Про Кара-сель Тохтур говорит, что по нему пройти можно до перевальной точки в один день, но только пешком и притом с большим трудом, т.к. дорога, если можно так назвать поверхность ледника, очень плоха. Длину ледника он считает в 2 таша т.е. 16 верст. Тоже он говорит и про ледник Федченко, но очевидно что его таши немного коротки» ([Дневники..., 1903–1914: 154](#)).

21 августа (3 сентября) Николай Леопольдович, Халмет, Тохтур-бай и Мулла-Исман совершили поездку к леднику Федченко. С трудом переправившись через Саук-сай путешественники, двинулись к леднику Федченко: «Поднявшись немного по склону уже легко можно было заметить в глубине широкого ущелья Сель-дары громадный вал во всю долину, почти нацело запиравший ее – конец ледника Федченко. Не желая терять времени, я тотчас же спустился вниз к Сель-даре и поехал вверх по ней, пересекая многочисленные ее разветвления. Однако как много их ни было и как тихо не течет вода по сравнению с Саук-саем и как ни мало коленей, но все-таки воды было так много, что уже на половине дороги мы с трудом стали пересекать отдельные русла... Около двенадцати часов дня т.е. через 4 часа пути, мы добрались до выступа скал правого берега, не доезжая версты до ледниковых ворот. Дальше ехать не представлялось возможным, т.к. река шла около скал правого берега и немногими руслами, перебраться через которые нужно было бы с огромными трудностями. А остановившись здесь я сфотографировал ледник маленьким аппаратом и еще снял общий вид большим на № I. Морены конечной у ледника этого нет – она полностью уносится рекой Баянд-киик, выход которой в Сель-даре старается замкнуть ледник. С этого же пункта я взял азимуты на конец ледника» ([Дневники..., 1903–1914: 156-157](#)).

На следующий день утром Николай Леопольдович вместе с Халметом и Тохтур-баем отправился к леднику Мушкетова (Кара-сель). Тогда Н.Л. Корженевский обратил внимание, что приток Мук-су Борибаш вытекает из ледника, спускающегося «между западной стороной Муз-джилги и еще каким-то пиком, расположенным к западу от Муз-джилги» ([Дневники..., 1903–1914: 158](#)).

Достигнув ледника и оставив Тохтур-бая с лошадьми, Николай Леопольдович вместе с Халметом двинулись к нему поближе пешком. Затем, «пройдя версту по крутому склону, заваленному громадными камнями, я взобрался на конгломератовый гребень и с него стал рассматривать ледник. Нас разделяла р. Мук идущая уже одним руслом и два вала конечных морен ледника Кара-сель. Поверхность его представляется сильно каменистой и притом с более значительным падением, чем я то предполагал раньше. Трещины в конце ледника уже нет, в расстоянии версты от конца поверхность ледника изборозжена трещинами и гальками. Подъем на ледник едва ли возможен, отчасти по крутизне и отчасти по изрытой его поверхности. На заднем плане ледника оказались мощные ледяные горы и среди них особенно громадный куполообразный пик, который я хотел бы назвать пиком Евгении в честь моего опекуна, которому так много обязан по своим поездкам. Высота этого пика вряд ли меньше 25 тыс. футов, во всяком случае, он не меньше трех красавцев Алтын-мазара. С этого же гребня, с которого рассматривал ледник, я сделал засечки на его конец и сфотографировал как его в 2-х видах, так и ущелье Мук-су на память о своем взбалмошном путешествии» ([Дневники..., 1903–1914: 158](#)).

Так, во время этого путешествия, 22 августа был открыт неизвестный ранее пик, названный им в честь супруги – «Пик Евгении Корженевской» ([Радек, 1975: 35-36](#)). 24 августа экспедиция выступила из Алтын-мазара в обратный путь и 28 августа прибыла в Ош.

В 1911 г. Н.Л. Корженевский окончил практику и был назначен на службу в штаб 2-й Туркестанской бригады в г. Скобелеве (ныне г. Фергана, Узбекистан) ([ЦГАГТ. Ф. 38. Оп. 3. Д. 823. Л. 20](#)). Теперь он вновь мог возобновить свои исследования туркестанских ледников. Так, в 1913 г. Николай Леопольдович совершил поездку на Гиссарский хребет, где описал ледники перевала Дукдан ([Дневники..., 1903–1914: 179-186](#)).

Последняя поездка Н.Л. Корженевского на Памир в имперский период состоялась в 1914 г. В экспедиции, помимо Николая Леопольдовича, принимали участие: поручик А.И. Жигин, солдаты-разведчики Лаврентьев, Спиридонов и Добровольский.

Из Оша путешественники выехали 5 мая 1914 г. В местечке Измаил-мазар 10 мая встретили золотопромышленника В.В. Поклевского-Козелла. Он сообщил печальную новость о смерти Тохтур-бая, давнего спутника Н.Л. Корженевского ([Дневники..., 1903–1914: 189](#)).

11 (24) мая путешественники достигли Алтын-мазара. На следующий день была совершена поездка к леднику Мушкетова (Кара-сель). Причём до этого Н.Л. Корженевский не бывал в этих местах в это время года и отмечает заметное маловодье или даже сухость ручьёв, которые были полноводны и бурны в предыдущие поездки, совершённые им в июне-августе. Близ Алтын-мазара Н.Л. Корженевский осмотрел свои метки, которые им были оставлены в 1910 г. Отметил «странность» ледника Борибаш, который «занимает половину ущелья (левую сторону)», но причину этого не удалось рассмотреть ([Дневники..., 1903–1914: 191-192](#)).

Далее путешественники добрались до речки Аю-джилга, где поднялись на маленькую террасу. Здесь они остановились на минуту возле поставленной для них юрты. Сам Николай Леопольдович «горел нетерпением увидеть вблизи себя Кара-сель и торопился снять общую картину с пиком Е[вгении] К[орженевской] на заднем плане, так как погода начинала портиться и каждую минуту облака могли затянуть вершины и закрыть солнце. На этих же лошадях мы стали подниматься на древнюю морену ледника и быстро достигли того пункта, откуда я впервые увидел в 1904 г. этот ледник... Как оказалось, от этого пункта до языка ледника целых 2 версты. Удивительно, как обманчиво расстояние! Продвинувшись несколько вперед я снял общий вид ледника так и со светофильтром, а затем, уже не волнуясь, отправился дальше... Проехать верхом удалось почти на расстояние 1/2 версты от конца ледника. Дальше пришлось оставить лошадей у бешеного потока Кара-сель и идти с приборами пешком. Через несколько минут мы находились в 40-50 саженях от ледника. Высокой стеной до 40 саж, ледник поднимается над ложем реки, вырывающейся из плохо выраженных ледниковых ворот. Обрыв обнаруживал неправильную слоистость. Поверхность ледника казалась сильно изборозженной и была завалена моренным материалом... Ручей вырывается из под ледника сильным потоком и столь каменистым, что пройти на другую сторону его оказалось невозможным для лошадей. Ширина ледника около 1 версты. Той широкой продольной трещины, что видел я в 1904 г. уже нет, но зато ясно было видна, что в расстоянии 1 версты от конца ледник образует сброс и представляется благодаря этому 2-х этажным. За этим уступом на поверхности ледника видны высокие столбы, но довольно широкие в основании, благодаря чему столбы, вернее бутры, были покрыты моренным материалом. Подняться на ледник с нашей правой стороны оказалось невозможным ввиду непрерывного камнепада. По словам Игамберды, Алтын-мазарского жителя и “мергеня” подняться можно на ледник, но с большим трудом и риском с левой стороны. Он там охотился на кииков и говорит, что идти приходится то ледником, то скалами нависшими по краю ледника. Игамберды доходил до верховьев ледника и видел, что ледник вблизи верховьев сливается из 6 ледников (2 по бокам и 2 с головы, совершенно недоступных по своей крутизне). До этого места, т.е. до слияния ледников он шел полдня с раннего утра и определяет протяжение ледника ровным расстоянием от Кара-сель до ур. Каин, т.е. 10-12 верст. По словам того же Игамберды пик Е[вгении] Корженевской и служит главным источником ледника Кара-сель. Таким образом, мое первоначальное и позднейшее предположение о том, что ледник длиною не меньше 10 верст и что он питается льдами пика Корженевской вполне подтвердились. Изобразивши ледник в разных видах я заметил конец его, провизировал буссолью с плоского камня аршина 2 высоты, лежащего на правом берегу примерно с 100 саж. от обрыва» ([Дневники..., 1903–1914: 192-193](#)).

Осмотрев ледник Мушкетова (Кара-сель), путешественники вернулись назад к 8 часам вечера, чтобы на следующий день отправиться к леднику Федченко.

К этому леднику Н.Л. Корженевский, А.И. Жигин и киргиз-проводник выехали 13 мая в 8.30 ч. утра. В Саук-сае было совсем мало воды, а в Каинды - по щиколотку. Отсюда открывался вид на ледник. Николай Леопольдович попытался найти свою метку, но её не было. Скорее всего, её унесло водой. Добравшись до места, где из ущелья Сель-дары вытекает Баянд-киик, путешественники обнаружили, что «ледник уперся вплотную в скалы правого берега Баянд-киика и таким образом запер реку, Баянд-киик прорыл во льду себе ложе и тем не менее на мой взгляд в случае обрушения льда река окажется запруженной и может произойти в долине Мук-су разрушительное, опустошительное наводнение, как уже и бывало не раз. Ледник в месте выхода Баянд-киика образует обрыв, в силу размыва этой рекой, высотой 20-25 саж. – меньший чем обрыв Кара-сея. Куда не взгляни, со всех сторон сыплются камни и около ледника стоит не замолкающий шум. Желая выяснить характер конца ледника пор[учик] Жигин сделал съемку из которой видно, что конец приходится на середину долины Сель-су и что ширина ледника около 2-х верст. На середине конца ледника есть сравнительно пологие места, по которым можно забраться пешком, но не без труда. В средней же части заметны ясные гряды морен результат отступления ледника. Ледник отступил саж[еней] на 30. Это характерное место я снял, так как с наступлением большой воды эта конечная морена, без сомнения, будет размыва и унесена водой. Сель-су выходит из западного угла ледника,

где примыкает ледник Танымас. Ледниковые ворота оказались обрушенными и около них валялись глыбы светлого льда» (*Дневники..., 1903–1914: 194–195*).

Закончив осмотр и исследование ледников экспедиция 14 (27) мая выступила из Алтын-мазара и 21 мая путешественники возвратились в Ош.

Экспедиция 1914 г. и наблюдение за ледником, а также сбор расспросных сведений и сообщений последующих годов позволили Н.Л. Корженевскому сделать, суммировав все эти данные, следующие важные выводы:

«1) Ледники Федченко и Мушкетова с 1903–1914 г. энергично наступали, что по-видимому для ледников хребта Петра Великого составляло общее явление; так по наблюдению Д. Наливкина, в западной части хребта лед[ника] Барольмас с 1906–1915, наступая, продвинулся на 25 метров.

2) В 1914 году указанные ледники стали отходить, и в отношении лед. Федченко отступление является подтвержденным наблюдением Г.Б. Леонова.

3) По форме языков ледники Федченко и Мушкетова приближаются к типу ледников с расширяющимися концами...

4) Ледник Федченко стекает с меридионального поднятия, идущего от пика Муз-джилга к р. Бартанг, причем Муз-джилга является по-видимому, и наиболее высокой точкой горного узла в верховьях Мук-су» (*Корженевский, 1922: 27*).

Вернувшись из экспедиции, подполковник Н.Л. Корженевский получил отпуск за границу, где «рассчитывал продолжать ознакомление с Альпийскими ледниками (Монблан)», но начавшаяся Первая мировая война заставила его прервать отпуск и срочно вернуться в Туркестан, по месту службы.

Во время Первой мировой войны Николай Леопольдович был на фронте в должности дивизионного интенданта 2-й Туркестанской стрелковой дивизии (развёрнутой из той же бригады; на 27 марта 1916 г.). 6 декабря 1916 г. получил звание полковника.

5. Заключение

Научные экспедиции Николая Леопольдовича Корженевского в 1903–1914 гг. на Памир, и в особенности его исследования ледника Федченко, представляют собой выдающийся вклад в географию и гляциологию Центральной Азии. Его работа, задокументированная в экспедиционных дневниках и публикациях, не только обогатила научное знание о регионе, но и отразила сложный исторический контекст, в котором проводились эти исследования. Памир на рубеже XIX–XX вв. был не только географическим объектом, но и ареной геополитического соперничества, природных вызовов и социокультурных взаимодействий. Анализ деятельности Н.Л. Корженевского позволяет оценить его роль в освоении этого региона, подчеркнув как научные достижения, так и их значение в имперском и культурном контексте.

Н.Л. Корженевский выделяется своим комплексным подходом к изучению Памира. Его экспедиции охватывали широкий спектр дисциплин: от гляциологии и геологии до метеорологии, ботаники и этнографии. Это позволило ему создать многогранную картину региона, включающую описание ледников, горных хребтов, флоры, фауны и жизни местных жителей. Особое внимание он уделял леднику Федченко, который благодаря его исследованиям стал не только крупнейшим ледником Центральной Азии, но и символом научного и имперского освоения. Открытие пика Евгении Корженевской, названного в честь его супруги, и детальное описание ледников, таких как Мушкетова (Кара-сель), подчёркивают его вклад в картографию и гляциологию. Использование историко-сравнительного и системного методов позволило Н.Л. Корженевскому не только фиксировать физические характеристики ледников, но и анализировать их геологическое прошлое, связывая современные процессы с историческими изменениями ландшафта. Например, его выводы о долине реки Мук-су как месте залегания колоссального ледника в прошлом демонстрируют глубокое понимание динамики природных систем.

Экспедиции Н.Л. Корженевского проходили в условиях исключительной сложности. Природные факторы, такие как суровый климат, труднопроходимая местность и высотные условия, создавали значительные препятствия. Его дневники ярко описывают физические трудности: переправы через бурные реки, опасные карнизы, метели и нехватку кислорода на больших высотах. Эти условия требовали от исследователя не только научной подготовки, но и физической выносливости и решимости. Кроме того, политическая обстановка на Памире, находившемся в зоне соперничества Российской и Британской империй, добавляла дополнительный слой сложности. Памир был частью «Большой игры», где научные экспедиции часто имели стратегическое значение, служа интересам разведки и укреплению имперского присутствия. Будучи военным, Н.Л. Корженевский совмещал научные задачи с выполнением поручений Туркестанского военного округа, таких как организация беспроволочного телеграфа или сбор данных для военных целей. Это подчёркивает двойную природу его исследований, где научные открытия были неразрывно связаны с имперскими амбициями.

Социокультурный контекст также играл важную роль. Дневники Н.Л. Корженевского фиксируют напряжённые отношения между местным населением и властями, особенно в Западном Памире, где попытки бухарской администрации собирать подати вызывали протесты. События в кишлаке Зунг в

1903 г., когда местные жители восстали против сборщиков податей, иллюстрируют социальную нестабильность региона. Корженевский, оказавшийся свидетелем этих событий, демонстрирует в своих записях объективность и внимание к деталям, фиксируя как действия местных жителей, так и ошибки властей. Это делает его дневники ценным источником не только для географов, но и для историков, изучающих социальные и политические процессы в Центральной Азии.

Научные результаты Н.Л. Корженевского имеют долгосрочное значение. Его измерения, съёмки и описания ледников, включая их морены, движение и структуру, заложили основу для последующих исследований Памира. Сбор образцов флоры, фауны и геологических пород, а также наблюдения за жизнью местных жителей обогатили научное знание о регионе. Его работа по определению астрономических пунктов и метеорологических наблюдений способствовала точной картографии, что было особенно важно в условиях малоизученного региона. Открытие новых перевалов, таких как Шют и Кальта-боз, имело практическое значение для военных и экономических целей, облегчая доступ к Памиру.

Личность Корженевского как учёного и исследователя также заслуживает внимания. Его настойчивость в стремлении изучить труднодоступные районы, такие как долина Мук-су, несмотря на неудачи и опасности, свидетельствует о его преданности науке. В то же время его военная карьера и участие в имперских структурах подчёркивают, что его исследования были частью более широкого проекта по освоению и легитимации власти Российской империи в Центральной Азии. Романтизм, присущий эпохе, проявляется в его записях, где Памир предстаёт как загадочный и суровый край, требующий от исследователя не только знаний, но и мужества.

Таким образом, исследования Н.Л. Корженевского представляют собой уникальное сочетание научной точности, физической выносливости и исторического контекста. Его работа не только расширила границы знаний о Памире и его ледниках, но и стала частью наследия Российской империи в Центральной Азии. Дневники и публикации Корженевского остаются важным источником для современных учёных, позволяя переосмыслить его вклад в контексте как научных, так и геополитических процессов начала XX в. Его исследования показывают, что научные открытия того времени были неотделимы от имперских амбиций, романтики исследования и взаимодействия с местным населением, чьи голоса также нашли отражение в его записях.

Литература

- Басханов, 2005** – Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М., 2005. 295 с.
- Дневники..., 1903–1914** – Дневники первых путешествий Н.Л. Корженевского на Памир 1903–1914 гг. (Транскрипт). Электронная копия. 195 л.
- Кенжаева, 2020** – Кенжаева Н.С. Экспедиция Н.Л. Корженевского на Памир в 1923 г. (фрагменты полевого дневника) // *Вопросы истории*. 2020. №11(2). С. 201–220.
- Корженевский, 1905** – Корженевский Н.Л. Перевал Кальта-боз // *Туркестанские ведомости*. 1905. № 108.
- Корженевский, 1906** – Корженевский Н.Л. Поездка на Памиры, Вахан и Шугнан в 1903 г. Отдельный оттиск из Трудов Общества земледелия при Императорском Санкт-Петербургском университете. Вып. 1. СПб.: Типография В. Демакова-Насл., 1906. 16 с.
- Корженевский, 1906а** – Корженевский Н.Л. По реке Мук-су (От Памира до Каратегина) // *Ежегодник Русского геологического общества*. 1905 г. М., 1906. Т. V. С. 77–94.
- Корженевский, 1906б** – Корженевский Н.Л. По алайским перевалам. Перевалы Шют. Перевал Кальта-боз // *Ежегодник Русского геологического общества*. 1905 г. М., 1906. Т. V. 95–106.
- Корженевский, 1912** – Корженевский Н.Л. Через Памир к Гиндукушу (от Оша до Памирского поста) // *Исторический вестник*. Год XXXIV. 1912. Февраль. С. 691–732.
- Корженевский, 1914** – Корженевский Н.Л. На перевале Сарык-Могол (Из скитаний по горному Туркестану) // *Исторический вестник*. Год XXXV. 1914. Январь. С. 250–258.
- Корженевский, 1922** – Корженевский Н.Л. Некоторые данные о состоянии ледников Федченко (Сель-дара) и Мушкетова (Кара-сель) в 1914 году // *Известия Туркестанского отдела Русского географического общества*. 1922. Т. XV. С. 23–28.
- Махмудов, 2016** – Махмудов О.А. Податный вопрос в политике Российской империи на Памире и установление ее управления в западнопамирских владениях / *Россия – Узбекистан: дорога к союзническим отношениям. Материалы международной научной конференции, посвященной десятилетию Договора о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан*. Т.: Turon zamini zıyo, 2016. С. 130–145.
- Махмудов, 2025** – Махмудов О.А. Взгляды российских чиновников на управление памирской окраиной империи (постановка проблемы) // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История*. 2025. Т. 70. Вып. 1. С. 60–78.
- НАУз** – Национальный архив Узбекистана.
- Николай Леопольдович Корженевский, 2024** – Николай Леопольдович Корженевский (1879–1958) // *Центральноазиатский журнал географических исследований*. 2024. № 1–2. С. 130.

- [Путешествие..., 1905](#) – Путешествие Н.Л. Корженевского по Памирам, Шугнану и Вахану // *Ежегодник Русского горного общества*. 1903. Вып. III. М., 1905. С. 136-138.
- [Пэтэрс, 1998](#) – *Пэтэрс П.Ф.* Памирские путешествия Николая Корженевского. Избранное из неопубликованного полевого дневника // *Вопросы истории, естествознания и техники*. 1998. № 2. С. 49-85.
- [Рацек, 1975](#) – *Рацек В.И.* Пять высочайших вершин СССР. Ташкент, 1975. 118 с.
- [Рацек, 1977](#) – *Рацек В.И.* Н.Л. Корженевский, [исследователь Памира]. Ташкент, 1977. 52 с.
- [РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.
- [ЦГАГТ](#) – Центральный государственный архив города Ташкента.
- [Kholliyev et al., 2025](#) – *Kholliyev A.G., Makhmudov O.A., Gabrielyan S.I., Madyarova S.N.* Modernization Projects of the Russian Empire on the Roof of the World (late 19th – early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2025(2): 980-990.

References

- [Baskhanov, 2005](#) – *Baskhanov, M.K.* (2005). Russkiye voyennyye vostokovedy do 1917 goda. Biobibliograficheskiy slovar' [Russian military orientalists before 1917. Biobibliographical dictionary]. Moskva. 295 p. [in Russian]
- [Dnevnik..., 1903–1914](#) – *Dnevnik pervykh puteshestviy N.L. Korzhenevskogo na Pamir 1903–1914 gg.* [Diaries of N.L. Korzhenevsky's first travels to the Pamir, 1903–1914]. (Transkript). Elektronnaya kopiya. 195 l. [in Russian]
- [Kenjaeva, 2020](#) – *Kenzhayeva, N.S.* (2020). Ekspeditsiya N.L. Korzhenevskogo na Pamir v 1923 g. (fragmenty polevogo dnevnika) [N.L. Korzhenevsky's expedition to the Pamir in 1923 (fragments of the field diary)]. *Voprosy istorii*. 11(2): 201-220. [in Russian]
- [Kholliyev et al., 2025](#) – *Kholliyev, A.G., Makhmudov, O.A., Gabrielyan, S.I., Madyarova, S.N.* (2025). Modernization Projects of the Russian Empire on the Roof of the World (late 19th – early 20th centuries). *Bylye Gody*. 2: 980-990.
- [Korzhenevsky, 1905](#) – *Korzhenevsky, N.L.* (1905). Pereval Kalta-boz [Kalta-boz Pass]. *Turkestanskiye vedomosti*. № 108. [in Russian]
- [Korzhenevsky, 1906](#) – *Korzhenevsky, N.L.* (1906). Poezdka na Pamiry, Vakhan i Shugnan v 1903 g. [Trip to the Pamirs, Wakhan, and Shugnan in 1903]. *Otdel'nyi ottisk iz Trudov Obshchestva zemledeliya pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete*. Vyp. 1. SPb.: Tipografiya V. Demakova-Nasl. 16 p. [in Russian]
- [Korzhenevsky, 1906a](#) – *Korzhenevsky, N.L.* (1906). Po reke Muk-su (Ot Pamira do Karateghina) [Along the Muk-su River (From Pamir to Karateghin)]. *Yezhegodnik Russkogo geologicheskogo obshchestva*. T. V. Pp. 77-94. [in Russian]
- [Korzhenevsky, 1906b](#) – *Korzhenevsky, N.L.* (1906). Po alayskim perevalam. Perevaly Shyut. Pereval Kalta-boz [On the Alai passes. Shyut Pass. Kalta-boz Pass]. *Yezhegodnik Russkogo geologicheskogo obshchestva*. T. V. Pp. 95-106. [in Russian]
- [Korzhenevsky, 1912](#) – *Korzhenevsky, N.L.* (1912). Cherez Pamir k Gindukushu (ot Osha do Pamirskogo posta) [Through the Pamir to the Hindu Kush (from Osh to the Pamir Post)]. *Istoricheskiy Vestnik*. T. XXXIV (February): 691-732. [in Russian]
- [Korzhenevsky, 1914](#) – *Korzhenevsky, N.L.* (1914). Na perevale Saryk-Mogol (Iz skitaniy po gornomu Turkestanu) [At the Saryk-Mogol Pass (From wanderings in mountainous Turkestan)]. *Istoricheskiy Vestnik*. Vol. XXXV (January). Pp. 250-258. [in Russian]
- [Korzhenevsky, 1922](#) – *Korzhenevsky, N.L.* (1922). Nekotoryye dannye o sostoyanii lednikov Fedchenko (Sel'-dara) i Mushketova (Kara-sel') v 1914 godu [Some data on the state of the Fedchenko (Sel-dara) and Mushketov (Kara-sel') glaciers in 1914]. *Izvestiya Turkestanskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. XV: 23-28. [in Russian]
- [Makhmudov, 2016](#) – *Makhmudov, O.A.* (2016). Podatnyy vopros v politike Rossiyskoy imperii na Pamire i ustanovleniye yeyo upravleniya v zapadnopamirskikh vladeniyakh [The tax issue in the policy of the Russian Empire in the Pamir and the establishment of its administration in the Western Pamir possessions]. *Rossiia – Uzbekistan: doroga k soyuznicheskim otnosheniyam. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy desyatiletiyu Dogovora o soyuznicheskikh otnosheniyakh mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Respublikoy Uzbekistan*. Tashkent: Turon zamiv ziyo. Pp. 130-145. [in Russian]
- [Makhmudov, 2025](#) – *Makhmudov, O.A.* (2025). Vzglyady rossiyskikh chinovnikov na upravleniye pamirskoy okrainoy imperii (postanovka problemy) [The views of Russian officials on the administration of the pamirs outskirts of the empire (setting of the problem)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 70(1): 60-78. [in Russian]
- [NAUZ](#) – Natsionalniy arkhiv Uzbekistana [National Archives of Uzbekistan].
- [Nikolay Leopoldovich Korzhenevsky, 2024](#) – *Nikolay Leopoldovich Korzhenevsky (1879–1958)* [Nikolay Leopoldovich Korzhenevsky (1879–1958)]. *Sentralnoaziatskiy zhurnal geograficheskikh issledovaniy*. 1–2: 130. [in Russian]

[Peters, 1998](#) – *Peters, P.F.* (1998). Pamirskiye puteshestviya Nikolaya Korzhenevskogo. Izbrannoye iz neopublikovannogo polevogo dnevnika [Nikolay Korzhenevsky's Pamir travels. Selected from an unpublished field diary]. *Voprosy istorii, yestestvoznaniya i tekhniki*. 2: 49–85. [in Russian]

[Puteshestviye..., 1905](#) – Puteshestviye N.L. Korzhenevskogo po Pamiram, Shugnanu i Vakhanu [N.L. Korzhenevsky's journey through the Pamirs, Shugnan, and Wakhan]. *Yezhegodnik Russkogo gornogo obshchestva*. T. III. Moskva, 1905. Pp. 136–138. [in Russian]

[Ratsek, 1975](#) – *Ratsek, V.I.* (1975). Pyat' vyschayshikh verшин SSSR [Five highest peaks of the USSR]. Tashkent. 118 p. [in Russian]

[Ratsek, 1977](#) – *Ratsek, V.I.* (1977). N.L. Korzhenevsky, [issledovatel' Pamira] [N.L. Korzhenevsky, Pamir explorer]. Tashkent, 52 p. [in Russian]

[RGVIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvenniy voyenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive].

[TsGAGT](#) – Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv goroda Tashkenta [Central State Archive of the Tashkent City].

Исследования Н.Л. Корженевского Памира и его ледников в 1903–1914 гг. (по экспедиционным дневникам, архивным документам и публикациям)

Наргиза Соатмуминовна Кенжаева ^{a, *}, Саодат Абдурашидовна Тоштемирова ^a,
Чарос Икромовна Махмудова ^a, Арслон Комилович Нафасов ^a

^a Чирчикский государственный педагогический университет, Чирчик, Республика Узбекистан

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованиям Николая Леопольдовича Корженевского Памира и его ледников в 1903–1914 гг. и базируется на его экспедиционных дневниках, архивных документах и публикациях. Авторы анализируют вклад Н.Л. Корженевского в изучение ледника Федченко, крупнейшего в Центральной Азии, подчёркивая его значение как символа научного и имперского освоения. Рассматривается вклад Н.Л. Корженевского в гляциологию, геологию, метеорологию, ботанику и этнографию. Особое внимание уделено сложностям экспедиций: суровому климату, труднопроходимой местности и геополитическому соперничеству Российской и Британской империй в рамках «Большой игры». Социокультурный контекст, включая протесты местного населения против налогов в Западном Памире, подчёркивает двойную природу исследований Н.Л. Корженевского, сочетавших научные и военные цели. Дневники и публикации Н.Л. Корженевского остаются ценным источником для современных исследований, отражая вклад в картографию, географию и понимание исторических процессов в Центральной Азии, а также его достижения в изучении ледников Памира и в особенности ледника Федченко.

Ключевые слова: Н.Л. Корженевский, Памир, ледник Федченко, ледник Мушкетова, экспедиции, гляциология, геополитика, Большая игра, Центральная Азия, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: n.kenjaeva@cspu.uz (Н.С. Кенжаева),
s.toshtemirova@cspu.uz (С.А. Тоштемирова), ch.maxmudova@cspu.uz (Ч.И. Махмудова),
a.nafasov@cspu.uz (А.К. Нафасов)